

УДК 111.6

DOI 10.25799/AR.2019.41.1.007

Научная биография как персональная история: векторы интерпретации

Николаева Анастасия Борисовна

Кандидат исторических наук,
стажер-докторант,
кафедра философии,
Омский государственный университет,
644077, Российская Федерация, Омск, просп. Мира, 55-а;
e-mail: ms.lettres@mail.ru

Аннотация

Данная статья анализирует возможности герменевтической интерпретации современной научной биографии. Этот особый жанр сегодня существенно меняется: в текстах жизнеописаний ученых можно наблюдать высокую степень психологической рефлексии биографа; стилистическую необычность; установление взаимосвязи между личностью ученого и его эпохой; присутствие деталей, раскрывающих специфику жизненного выбора героя книги и его творческих поисков. Поэтому в статье проводится сопоставление научной биографии с персональной историей: в современных текстах жизнеописаний ученых на первый план выдвинута именно персона исследователя. На этих основаниях можно ставить вопрос о важности подробного толкования текста современной научной биографии. В результате мы предпринимаем попытку определения векторов герменевтической интерпретации жизнеописания и описания их сути. К основным интерпретационным направлениям, в нашем восприятии, относятся: проблема связи ученого и его времени (дихотомия индивидуального – коллективного); жизненный мир исследователя (психологические детали портрета ученого, особенности его выбора и поисков). Рассмотрение этих интерпретационных направлений актуализирует феномен интерсубъективности, самотрансцендирования, фигуры Другого.

Для цитирования в научных исследованиях

Николаева А.Б. Научная биография как персональная история: векторы интерпретации // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 1А. С. 73-79.

Ключевые слова

Научная биография, персональная история, интерпретация, жизненный мир индивида, соотношение индивидуального и коллективного.

Введение

Интерпретация текстуально-онтологического пространства персональной истории ученого предполагает обращение к масштабным аспектам историко-философского и экзистенциально-феноменологического характера. На этих аспектах хочется заострить внимание: речь идет, во-первых, о связи личности ученого с его эпохой – проблема соотношения индивидуального и коллективного в границах жизнеописания интересует современных читателей научно-биографической литературы. Во-вторых, акцент биографа на специфике жизненного мира ученого-героя не менее заметен и привлекателен и для читателя, и для интерпретатора текста: раскрытие характера исследователя важно пронаблюдать в деталях.

Взаимосвязь личности ученого с его эпохой и обществом: первый интерпретационный вектор

Рассмотрим указанные интерпретационные векторы подробнее и обратимся вначале к взаимосвязи индивидуального и коллективного, который во многом акцентирует исследовательское внимание на экстерналистско-интерналистской корреляции. Заметим, что именно интерпретатор персональной истории ставит точку пересечения временных периодов – того периода, в котором жил ученый-герой биографии, и периода, в котором жил или живет автор-биограф. Субъективная реальность в пространстве научной биографии может отражать особенности конкретно-исторической картины мира – в восприятии ученого-героя, в условной («закадровой») оценке автора-биографа, в произведенной интерпретации текста жизнеописания.

В процессе интерпретации научной биографии ставится вопрос об онтологизации не только начал индивидуального и коллективного, но и их ценностей, которые выводятся за пределы научного познания и анализа. Социальные ценности трансцендентны индивидуальному сознанию и деятельности, и, безусловно, первичны по отношению к индивидуально-психологическим ценностным образованиям [Леонтьев, 1996, 19]. Следовательно, дихотомия индивидуального-коллективного, занимающая, как видим, собственную нишу в интерпретационном процессе, отражает и проблему соотношения ценностей и смыслов: на мировоззренческих ориентирах отдельного ученого и их согласовании с особенностями менталитета общества выстраивается анализ его жизненного мира, имеющий для современной биографии особую значимость. Интерпретация персональной истории, помимо всего прочего, имеет и собственную ценность: «самоценность интерпретации состоит в манифестации бытия человеческого рода (в пределе), в манифестации бытия каждой личности» [Агапов, 2010, 29].

На основе родства научной биографии и персональной истории интерпретация жизнеописания раскрывается с психологической стороны: анализируется не только факт согласования индивидуального и коллективного или особенности жанровых модификаций под влиянием герменевтики, но и специфика жизненного мира ученого. Интерпретация научной биографии рождает понимание его смысла, поскольку выявленная взаимосвязь между персональной историей, персонологией и герменевтикой осмысливается с позиций феноменологии и психологии. Интерпретатор не только восстанавливает точки пересечения исторических периодов, но может стать и фигурой Другого, при помощи которого осуществляется процесс осознания указанных выше экзистенциально-феноменологических аспектов. При этом можно обратить внимание на еще одну немаловажную особенность: процесс

интерпретации жизнеописания ученого делает фигуру Другого переходящей ролью – Другим может быть и сам интерпретатор, и биограф (по отношению к ученому-герою), и читатель, а также адресат и реципиент (если они относительно конкретного издания существуют как отдельные субъекты).

Интерпретация персональной истории в экзистенциально-феноменологическом аспекте обладает психологическим оттенком, часто выражаемом в эмпатии, поскольку она позволяет осознать специфику жизненного мира индивида (ученого), являясь во многом интроспективной и детальной. Интерпретация обуславливает собой человеческую идентичность и самоидентичность, не обходит вниманием факт присутствия автора-биографа и читателя (адресата и реципиента). Поэтому важно добавить, что интерпретация персональной истории обладает коммуникативным смыслом, поскольку взаимопереходна от индивидуальности к коллективному началу. На этом основании можно говорить об интересубъективности интерпретации: будучи таковой (что особенно очевидно в отношении пространства жизнеописания), интерпретация становится связанной с ценностными смыслами как экзистенциалами в пространстве познания. Отражение человеческой сущности как познающей и исследующей происходит наиболее детально и ярко в пространстве научного жизнеописания, а его интерпретация раскрывает феноменологическую сторону теории «интенциональной структурированности сознательности вообще: всякое сознание является сознанием о чем-то...» [Комел, 2009, 6]. Когнитивирование субъектом мира и исторической динамики происходящих событий – это доказательство человечности самого мира. Интерпретация персональной истории выводит экзистенцию хайдеггеровского *Dasein*, воспринимаемого им в качестве петли, разрыв которой пробуждает новые смыслы «наличного бытия». Об интересубъективности как об интенциональном опыте Другого говорит и В.У. Бабушкин, обращаясь к способу «вчувствования», который может применяться и в процессе интерпретирования жизнеописания в общем историко-философском аспекте. Благодаря вчувствованию «Другой понимается как душевное, личностное и трансцендентальное Я. ... Опыт Другого служит в феноменологии образцом для всех форм опосредованного знания, будь то исторический опыт или герменевтическая интерпретация текста» [Бабушкин, 1985].

Жизненный мир ученого – второй вектор герменевтической интерпретации

Следующий вектор интерпретации персональной истории – это специфика жизненного мира индивида. Заметим, что концепция интенциональности сознания, фигура Другого, интересубъективность как основа вчувствования инициируют взаимодействие обоих векторов интерпретационного процесса. Однако специфика жизненного мира ученого интерпретируется уже с учетом новых, дополнительных условий. В частности, на первый план выходит феномен трансцендентальной субъективности – «в ней обретает полноту, завершенность иерархия бытия, она является действенным субъектом метафизического опыта. Именно трансцендентальность, как характерное свойство субъективности, гарантирует ей (субъективности) свободу смыслообразования. Постигание жизненного мира ученого сквозь пространство его научной биографии осуществляется вновь интерпретатором, который также может играть роль Другого, однако здесь эту роль успешно играет и сам биограф. Жизненный мир ученого интерпретируется с позиций самотрансцендирования его биографа и дополняется феноменом персонального смыслообразования, т.е. рассуждений о пути самореализации и

самоактуализации. В оценке Г.Л. Тульчинского этот феномен отражает ценность личности и организует всю динамику исторического развития человечества и общества, поэтому персонологическое смыслообразование «является результатом глубоко личностного опыта, проявлением человеческой свободы и ответственности» [Тульчинский, 2010, 33]. Кроме того, нельзя обходить вниманием, что жизненный мир ученого формируется и затем находится в постоянной динамике благодаря наличию актуального сообщества – интерсубъективность и фигура Другого (сообщество или отдельный субъект) оказываются не менее ценными и в данном интерпретационном направлении.

Сдвиг гуманитарной парадигмы подготавливался «персонологическим поворотом» [Гуссерль, 2008], который имел основы в философии Э. Гуссерля, а также стал, по мнению Тульчинского, следствием «кризиса постмодернизма». Персонологический поворот в постмодернизме, обусловленный довольно длительным периодом развития сферы философии личности, оказывает свое влияние и на интерпретацию жизненного мира ученого путем исследования его биографии: важно обратить внимание на специфику отражения в книге творческого, интеллектуального, рефлексивного развития конкретного деятеля науки. Главенствующим в интерпретации жизненного мира ученого становится ситуация его общего (мировоззренческого и ценностного) выбора, который можно понимать в качестве герменевтически осмысливаемой ситуации.

Постмодернистская герменевтика в лице, к примеру, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, а также современных отечественных философов В.У. Бабушкина и Г.Л. Тульчинского часто ставит вопрос о свободе личностного самовыражения. Интерпретация жизненного мира ученого предполагает обращение к постмодернистской свободе – свободе осуществления исследовательского выбора, свободе принятия ответственности и, соответственно, свободе самоактуализации. По мнению Хайдеггера, истина – это сущность свободы, а свобода – «допущение бытия сущего» [Хайдеггер, 1989, 102], однако «онтологически ситуация человека есть ситуация слепоты» [Романова, 2009, 23]. Такое утверждение является указанием на тот факт, что сам субъект не имеет абсолютного знания собственной жизни, поскольку не видит себя в деятельности, в коммуникации, в выборе, в поведении. Вероятно, косвенной причиной формирования общебиографического жанра стала эта субъектная слепота: посторонний или Другой (в данном случае автор-биограф и интерпретатор) воспринимает жизненный мир героя жизнеописания со своих интеллектуально-мировоззренческих позиций. Поэтому данный вектор интерпретации персональной истории еще заметнее раскрывает феномен самотрансцендирования биографа. Жизненный мир ученого представлен, кроме ситуации исследовательского выбора, также многочисленными связями темпорального, интеллектуально-исторического, коммуникативного и когнитивного характера. Ученый не может быть социально изолирован, поскольку принадлежит в большей степени, чем простой человек, своей эпохе и своему обществу. Ученый во многом является центром современных ему условий жизни и исторических традиций, на которых основывается динамика социального и личностного развития. Поэтому интерпретация его жизненного мира осуществляется и с целью обнаружения историчности фигуры ученого, являющейся живой иллюстрацией рассмотренного ранее аспекта связи индивидуального и коллективного начал. Историчность фигуры ученого и его жизненного мира (мира выбора и личностных качеств, мира действий, открытий и экспериментов) соприкасается с историчностью бытия человечества в целом или бытия конкретного научного сообщества, к которому относится герой отдельной биографии. «Развитие бытия идет путем как трансценденции во вне, так и трансценденции во внутрь»

[Агапов, 2010, 31]. Таким образом, интерпретация жизненного мира ученого делает акцент уже на самоотрансцендировании *ученого* (не только биографа по отношению к своему герою, а героя по отношению к самому себе), иллюстрирующем динамику раздвоения его бытия: на личностное и социальное, на эмоциональное и интеллектуальное, на бытие независимости и бытие подчинения (условиям реальности и ожиданиям сообщества). При этом, как отмечал А.Ф. Лосев, дифференциация бытия обуславливает и его единство: «в этой борьбе различений и отождествлений и состоит вся реальная жизнь разума и бытия» [Лосев, 1999, 525]. Динамичность бытия ученого, анализируемая в его жизненном мире, рассматривалась также С.Л. Франком в факте развертывания бытия, способствующего тому же трансцендированию «вовнутрь, вглубь или к основе, через отношение к которой непосредственное самобытие обретает недостающую ему как таковому объективность» [Франк, 2000, 556]. Самобытие ученого может способствовать написанию общеисторической картины развития человеческого общества в определенный период, поэтому персональная история как научное жизнеописание становится импульсом, воссоздающим духовную связь времен.

Заключение

Динамика жизненного мира во многом объясняется наличием общего опыта личности, который является результатом социальных трансакций и субъективных выводов. Опыт ученого как субъекта деятельности всегда отражается и в научной биографии, и в процессе интерпретирования его жизненного мира: по Гуссерлю, жизненный мир одновременно донаучен и определяется наукой, поэтому он имеет разномасштабный смысл – в качестве возможности развития и саморазвития личности и в качестве отражения социального опыта (исторического, культурного). Что касается особенностей интерпретации взаимосвязи индивидуального и коллективного, то этот вектор может сопоставляться с толкованием психологического портрета ученого: между исследователем и его временем и обществом всегда присутствует факт взаимодействия и взаимовлияния, который всегда отразится на личностном опыте. Рикеровская герменевтика «говорящего субъекта» доказывает нам ценность вопроса трансцендентального характера – «кто есть я?». Именно этот вопрос подчеркивает проблему дихотомии индивидуального – коллективного, феномен жизненного мира индивида и объясняет культурную открытость научной биографии герменевтическому методу.

Библиография

1. Агапов О.Д. Метафизика интерпретации // Вестник Томского государственного университета. 2010. Вып. 334. С. 28-31.
2. Бабушкин В.У. Феноменологическая философия: критический анализ. [Электронный ресурс]. URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/babus01/txt05.htm> (дата обращения: 02.02.2019).
3. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. СПб: Академический проект, 2008. 486 с.
4. Комел Д. Феноменология, историчность и герменевтическая деятельность // Я и Другой в пространстве текста. Пермь; Любляна, 2009. Вып. 2. С. 5-26.
5. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 15-26.
6. Лосев А.Ф. Самое само: Сочинения. М.: Эксмо-пресс, 1999. 1024 с.
7. Романова Е.А. Герменевтика жизнеописания: Комментарии к роману Г. Гессе «Игра в бисер» // Символическое мышление в контексте современной культуры. Владивосток, 2009. С. 21-25.
8. Тульчинский Г.Л. Сдвиг гуманитарной парадигмы, трансцендентальный субъект и постчеловеческая персонология // Методология и история психологии. 2010. Том 5. Вып. 1. С. 32-50.

9. Франк С.Л. Сочинения. Минск: Харвест, 2000. 800 с.

10. Хайдеггер М. О сущности истины // Философия науки. 1989. № 4. С. 91-104.

Scientific biography as a personal story: vectors of interpretation

Anastasiya B. Nikolaeva

PhD in History,
Department of Philosophy,
Omsk State University,
644077, 55-a, Mira av., Omsk, Russian Federation;
e-mail: ms.lettres@mail.ru

Abstract

The article analyzes possibilities of the hermeneutic interpretation of modern scientific biography. This particular genre today is changing significantly: in the texts of scientists' biographies, one can observe a high degree of psychological reflection of the biographer; stylistic unusualness; establishing the relationship between the personality of the scientist and his era; the presence of details revealing the specifics of the life choices of the hero of the book and his creative searches. Therefore, the article presents a comparison of the scientific biography with a personal history: in modern texts of biographies of scientists, it is the person of the researcher who is put in the forefront. On these grounds, one can raise the question of the importance of a detailed interpretation of the text of a modern scientific biography. As a result, we attempt to determine the vectors of the hermeneutic interpretation of the biography and description of their essence. The main interpretative directions are: the problem of communication between the scientist and his time (the dichotomy of the individual - the collective); life world of the researcher (psychological details of the portrait of a scientist, especially his choice and search). Consideration of these interpretative directions actualizes the phenomenon of intersubjectivity, self-transcendence, the figure of the Other.

For citation

Nikolaeva A.B. (2019) Nauchnaya biografiya kak personal'naya istoriya: vektory interpretatsii [Scientific biography as a personal story: vectors of interpretation]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 8 (1A), pp. 73-79.

Keywords

Scientific biography, personal history, interpretation, life world of the individual, ratio of individual and collective.

References

1. Agapov O.D. (2010) Metafizika interpretatsii [Metaphysics of interpretation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Bulletin], 334, pp. 28-31.
2. Babushkin V.U. *Fenomenologicheskaya filosofiya: kriticheskii analiz* [Phenomenological philosophy: critical analysis]. Available at: <http://psylib.ukrweb.net/books/babus01/txt05.htm> [Accessed 02/02/2019].

3. Frank S.L. (2000) *Sochineniya* [Writings]. Minsk: Kharvest Publ.
4. Heidegger M. (1989) Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis). Klostermann, Frankfurt am Main. (Russ. ed.: Khaidegger M. (1989) O sushchnosti istiny. *Filosofiya nauki*, 4, pp. 91-104).
5. Husserl E. (1901) *Logische Untersuchungen. Zweiter Teil: Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis*. Niemeyer, Halle. (Russ. Ed.: Gusserl' E. (2008) *Idei k chistoi fenomenologii i fenomenologicheskoi filosofii*. Saint Petersburg: Akademicheskii proekt Publ.).
6. Komel D. (2009) Fenomenologiya, istorichnost' i germenevticheskaya deyatelnost' [Phenomenology, historicity and hermeneutic activity]. *Ya i Drugoi v prostranstve teksta* [I and Other in the space of text]. Perm; Lyublyana, 2, pp. 5-26.
7. Leont'ev D.A. (1996) Tsennost' kak mezhdistsiplinarnoe ponyatie: opyt mnogomernoi rekonstruktsii [Value as an interdisciplinary concept: the experience of multidimensional reconstruction]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 4, pp. 15-26.
8. Losev A.F. (1999) *Samoe samo: Sochineniya* [The very self: Works]. Moscow: Eksmo-press Publ.
9. Romanova E.A. (2009) Germenevtika zhizneopisaniya: Kommentarii k romanu G. Gesse «Igra v biser» [Hermeneutics of biography: Comments to the novel “Bead Game” by G. Hesse]. *Simvolicheskoe myshlenie v kontekste sovremennoi kul'tury* [Symbolic thinking in the context of modern culture]. Vladivostok, pp. 21-25.
10. Tul'chinskii G.L. (2010) Sdvig gumanitarnoi paradigmy, transsendental'nyi sub"ekt i postchelovecheskaya personologiya [Shift of the humanitarian paradigm, transcendental subject and posthuman personology]. *Metodologiya i istoriya psikhologii* [Methodology and history of psychology], 5 (1), pp. 32-50.